

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 75
1908.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Воздыханіе грѣшной души у Креста Христова. — Моленіе о Чашѣ. — Подъ благодатнымъ впечатлѣніемъ. Н. К. — Крѣпость и сила души — Христовъ. Н. К. — Чудный даръ Христовой любви. (Изъ замѣтокъ мірянина). Н. К. — Народная учительница. Вѣнокъ на могилу матери отъ недостойнаго сына.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО**.

ВОЗДЫХАНІЯ ГРѢШНОЙ ДУШИ У КРЕСТА ХРИ- СТОВА.

(Изъ сочиненій Святителя Димитрія, Митрополита Ростовскаго).

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, второй Адаме, преданный въ руки враговъ и связанный въ вертоградъ Геосиманскомъ за перваго Адама, согрѣшившаго въ райскомъ вертоградѣ! молюся Тебѣ, свяжи меня любовію Твоею такъ крѣпко, чтобы я готовъ былъ лучше умереть, нежели какимъ-либо грѣхомъ оскорбить Твое челоуѣколюбіе!

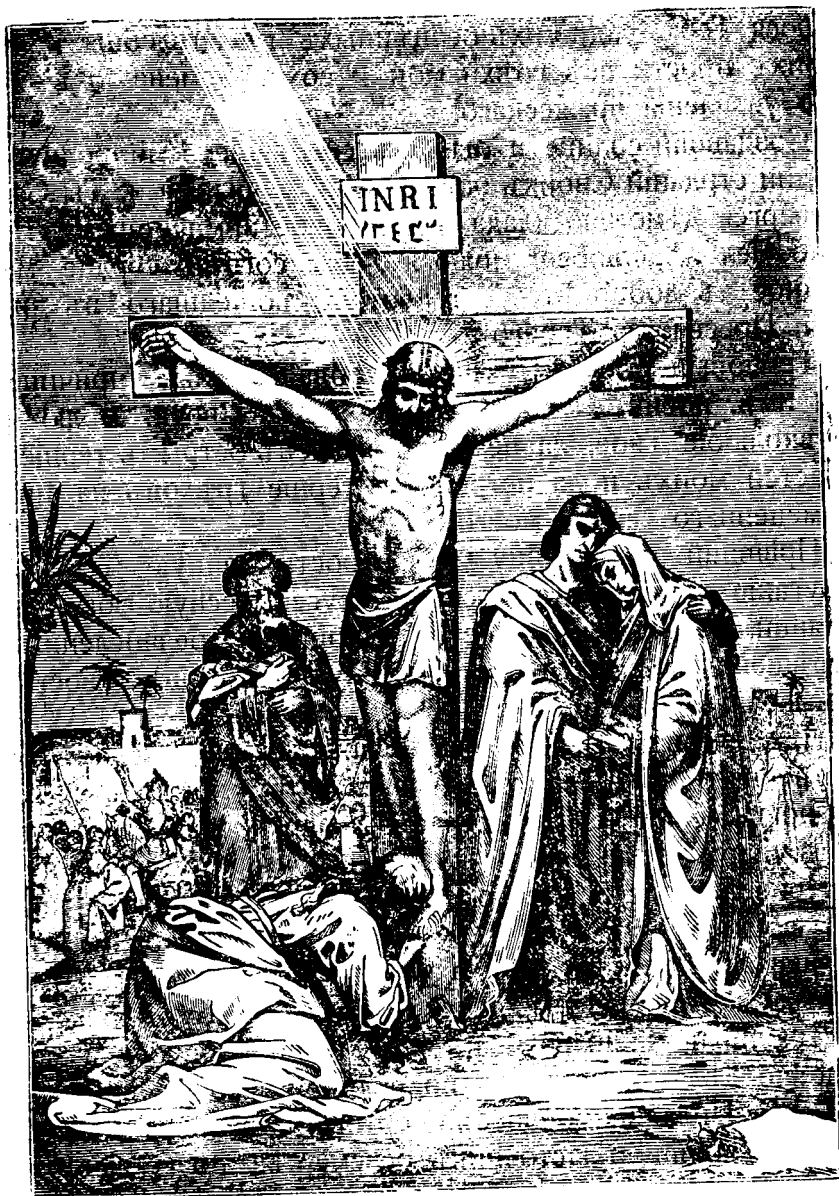
Предъ Каіафою, лжелюбивымъ архіереемъ, слышавшій ложныя свидѣтельства и терпѣливо перенесшій ихъ, безъ всякаго пререканія, подобно агнцу безгласному, Господи Боже! молюся Тебѣ, даруй мнѣ молчаніе и терпѣніе причиняемыхъ мнѣ обидъ, да не обрѣтается лестъ и ложь въ устахъ моихъ!

Въ воспоминаніе того, какъ мучители, ударявшіе Тебя въ ланиту, закрывали пресвятое лице Твое, Всевидящій и Всевѣдущій, покрый прощеніемъ грѣхи мои, да не покрыетъ меня вѣчный стыдъ, когда я предстану лицу Твоему!

Обвиненный сонмомъ Іудейскимъ въ богохульствѣ и нарушеніи покоя общественнаго, поруганный, уничиженный и наконецъ вверженный въ темницу, Свѣте незаходимый, молюся Тебѣ, по отшествіи моемъ въ жизнь вѣчную избави душу мою отъ темницы геенской!

Связанный Іудеями и приведенный къ Понтійскому Пилату, который не нашелъ въ Тебѣ ни одной вины, Виновникъ спасенія нашего, сохрани меня во всей жизни сей такъ, чтобы въ часъ смерти ни одной вины не нашелъ во мнѣ врагъ души моей!

Отъ Пилата приведенный къ Ироду, поругавшемуся надъ Тобою, несозданная Премудрость, и облекшему Тебя въ свѣтлую ризу, соблюди меня отъ поруганія невидимыхъ враговъ и облеку въ ризу нетлѣнія по смерти моей!

Возвращенный отъ Ирода и на пути претерпѣвшій многія озлобленія, біеніе и язвы, Создатель Твоей твари! молюся Тебѣ, ради сихъ безцѣнныхъ и всецѣлебныхъ язвъ Твоихъ прости всѣ грѣхи мои и сохрани меня отъ всякаго уязвленія вражескаго!

Создавшій солнце и огонь въ согрѣяніе земнороднымъ, во дни стрданій Своихъ обнаженный мучителями, Ты Самъ подвергся дѣйствию хлада, въ суровое зимнее время, Владыко Человѣколюбче! молюся Тебѣ, согрѣй сердце мое, хладное къ добродѣтели, теплотою, сошедшаго въ видѣ огня, Пресвятаго Твоего Духа!

Терновый вѣнецъ и многія кровавыя язвы, причиненныя имъ, носившій на пресвятой главѣ Своей, молю человѣколюбіе Твое, да не буду уязвленъ острымъ терніемъ страстей моихъ и да истребится терніе грѣховъ на нивѣ окамененнаго сердца моего!

Пріявшій въ десницу Свою трость, данную Тебѣ въ поруганіе отъ Іудеевъ, Господи Іисусе, одесную Бога Отца сѣдящій, изгладн сею тростію рукописаніе безчисленныхъ согрѣшеній моихъ, да стану одесную въ славѣ Твоей и прославлю Тебя во вѣки!

Претерпѣвшій тяжкіе удары по святымъ членамъ Божественнаго тѣла Твоего, молюся Тебѣ, укрѣпи меня всеильною десницею Твоею, дабы я переносилъ съ терпѣніемъ удары несчастія и всякую печаль и тяготу временную!

Приведенный вторично предъ судилище Пилата, который осудилъ на смерть Тебя, сѣдящаго на Херувимахъ и судящаго живыхъ и мертвыхъ! Молюся Тебѣ, дай мнѣ память смертную, дабы я всегда былъ готовъ предстать на страшный и праведный судъ Твой, и не осуди меня тогда по дѣламъ, но спаси по великой Твоей милости!

Когда Пилать произнесъ смертный приговоръ на Тебя, Податель жизни и Источникъ безсмертія; тогда жестокосердые Іудеи, возложивши крестъ на пресвятыя Твои рамена, повели Тебя, вмѣненнаго съ беззаконными, на смерть вмѣстѣ съ двумя злодѣями. Молюся Тебѣ, Сыне Божій, сохрани меня отъ злодѣйства невидимаго врага, который,

какъ тать, различными искушеніями подкапываетъ храмину дуніи моея; да не похититъ онъ у меня сокровища вѣчныхъ благъ, кои Ты уготовалъ любящимъ Тебя!

Подъ тяжестію креста падшій на землю и пріявшій новыя удары отъ немилосердыхъ Іудеевъ, многомилостивый Господи! повергаюсь къ пречистымъ стопамъ Твоимъ и молюся Тебѣ, воздвигни меня, падшаго подъ бременемъ грѣховъ моихъ, и соблюди душу мою впредь отъ всякаго паденія!

Плюновеніемъ Своимъ давшій прозрѣніе слѣпорожденному, и предъ распятіемъ обезчещенный отъ Іудеевъ мерзостнымъ плюновеніемъ въ пресвѣтлое лице Твое, честнѣйшій всѣхъ чиновъ Ангельскихъ, Господи Іисусе! укрѣпи меня Твоею помощію, дабы я всегда съ омерзеніемъ пренебрегалъ всѣ вражескія злоухищренія, искушенія и вожделѣнія плотскія!

Приведши на гору Голгоѣскую, жестоковѣрные Іудеи простерли на крестѣ Тебя, стирающаго небо яко кожу, немилосердно пригвоздили пресвятыя руки и ноги Твои къ дереву крестному, пересчитали, по выраженію Пророка, всѣ кости Твои (Пс. 21, 18) и причинили Божественной плоти Твоей лютейшую болѣзнь и жесточайшія страданія. Молюся Тебѣ, неповинный Стратотерпче, ради болѣни Своей исцѣли всякую болѣзнь дуніи моея, и спаси меня ради преславныхъ и животворныхъ страданій Твоихъ!

Вознесенный отъ земли на крестъ подобно тому, какъ Моисей вознесъ змію въ пустынь, превозносимый Царь неба и земли! къ Тебѣ умиленно вопію: возвыси умъ мой, дабы я всегда помышлялъ о небесномъ и дѣлалъ только то, что благоугодно Тебѣ!

Тяжкія воздыханія, слезныя капли и токи крови при крестной смерти излившій, многомилостивый Владыко! излей на меня потокъ милосердія Твоего, даруй мнѣ сердечныя воздыханія и очистительныя слезы о грѣхахъ моихъ, паче же слезами и честною кровію Твоею очисти и омой прокаженную душу мою!

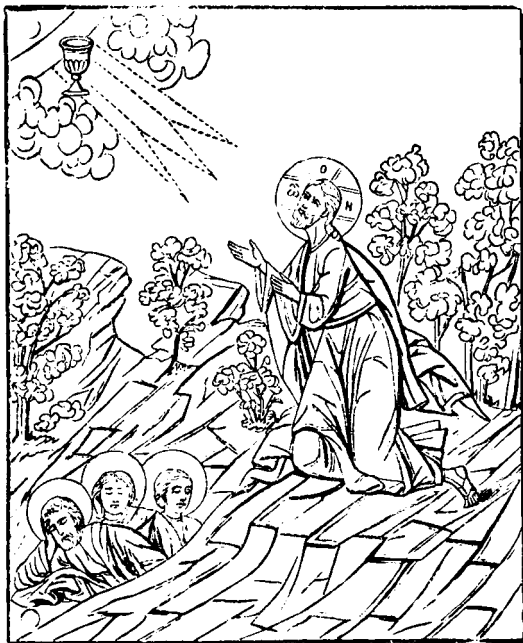
Нагъ вознесенный на крестъ, между двумя разбойни-

ками повѣщенный, желчи и оцта вкусившій, Иисусе сладчайшій! покрый милосердіемъ Твоимъ наготу души моей, избави меня отъ соучастія съ беззаконниками и сохрани отъ злотворной горести грѣха!

Творецъ души и тѣла моего! Ты ради меня пострадалъ всею душою и всѣми тѣлесными чувствами Твоими: осязаніемъ—отъ біенія и уязвленія пречистой плоти Твоей; вкушеніемъ—отъ напоенія оцтомъ, съ желчію смѣшаннымъ; обоняніемъ—отъ тлетворнаго дыханія злодѣевъ и мучителей, окружавшихъ Тебя въ темницѣ и на Голгоѣ; слухомъ—отъ лжесвидѣтельства, поруганія и хуленій неблагодарныхъ Іудеевъ; видѣніемъ—отъ пролитія горькихъ слезъ и болѣзненнаго возрѣнія на пречистую Матерь Свою, стоявшую при крестѣ и въ тяжелой скорби терзавшую сердце Свое. Человѣколюбче Господи! прости окаянному всѣ согрѣшенія, содѣянные душевными и тѣлесными чувствами моими, ради честнаго и спасительнаго страданія Твоего!

Источникъ безсмертія, претерпѣвшій крестную смерть въ часъ девятый! молюся Тебѣ нынѣ, даруй мнѣ по смерти моей жительство тамъ, гдѣ хвалятъ и славословятъ Тебя девять чиновъ Ангельскихъ. Прими отъ меня, недостойнаго, какъ жертву непорочную, воспоминаніе Твоихъ неизреченныхъ страданій, прими приносимыя Тебѣ о насъ молитвы всесвятой Дѣвы, Матери Твоей, возлюбленнаго друга и ученика Твоего Іоанна Богослова, святой равноапостольной Маріи Магдалины и прочихъ предстоящихъ кресту Твоему на Голгоѣ!

МОЛЕНИЕ О ЧАШѢ.

Чье вниманіе не привлекала къ себѣ чудная картина „Моленіе о чашѣ“? Кто невольно не останавливался предъ ней и не отдавался чудному ея созерцанію?

Но можно-ли объять умомъ, можно-ли изобразить словомъ все то, что вѣщаетъ она уму и сердцу хрістіанина? Нѣтъ, это превышаетъ человѣческія силы. Картину эту можно созерцать, можно глубоко задумываться надъ ней, глубоко чувствовать, но никакому человѣческому уму не выразить, никакому человѣческому слову не передать вполне

ея содержанія.

Все, что есть наилучшаго въ нашей живописи, поэзіи и другихъ художественныхъ искусствахъ, есть только слабый отзвукъ дѣйствительности...

Вотъ, окончилась Тайная Вечеря. Какъ любящій отецъ прощается со своимъ милымъ дѣтищемъ, такъ любвеобильный Учитель простался со Своими учениками. Предвидя Свое отшествіе „отъ міра сего къ Отцу, Онъ возлюбилъ Своихъ (учениковъ)-сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ“... Волнуемый Своими чувствами, Онъ говорилъ на вечера апостоламъ: „очень желалъ Я ѣсть съ вами эту Пасху прежде Моего страданія. Ибо сказываю вамъ, что уже не буду ѣсть ея, пока она не совершится въ царствѣ Божіемъ“...

Вотъ, въ первый разъ причастилъ Господь учениковъ Своихъ.

Иуда, причастившись, понелъ предавать своего Учителя... Господь остался наединѣ со святыми учениками... Началась печально торжественная бесѣда. Печальна она, ибо это была разлука любящаго Отца съ любимыми дѣтьми. Торжественна, ибо и сквозь страданія свѣтила Божественная слава и царственное величіе отходящаго ко Отцу Учителя. Кто не умилялся этой бесѣдой,

содержащейся въ первомъ изъ двѣнадцати Евангеліи страстей Христовыхъ?..

„Нынѣ прославился Сынъ Человѣческій, и Богъ прославился въ Немъ. Дѣти! уже недолго Мнѣ быть съ вами. Заповѣдь новую даю вамъ: любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Потому узнаютъ всѣ, что вы—Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою... Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте... Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ... Какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Мой, такъ и Я завѣщаю вамъ царство“...

Съ пѣніемъ пасхальныхъ псалмовъ пошелъ Иисусъ Христосъ на гору Елеонскую съ учениками Своими.

Темнѣетъ... Всюду тишина...

Вотъ ночи вспыхнули свѣтила,—

И ярко полная луна

Садъ Геосиманскій озарила...

При входѣ въ садъ Господь оставляетъ Своихъ учениковъ, кромѣ Петра, Іакова, Іоанна. Въ глубинѣ сада оставляетъ и этихъ трехъ. Удаляется отъ нихъ „на верженіе камня“.

Все заснуло... Спали и „сыны Божественнаго Слова, три апостола святыхъ“...

Въ цѣломъ мірѣ въ эту пору

Одинъ Учитель лишь не спалъ

И, чуждый общему позору,

Судьбу всемірную рѣшалъ.

За слово истины высокой

Голгоѣскій крестъ предвидѣлъ Онъ

И чувствомъ скорби возмущенъ

Отцу молился одиноко:

„Отецъ, Отецъ! Душа моя

Въ нѣмой тоскѣ изнемогаетъ,

Картина будущаго дня

Мнѣ сердце кровью обливаетъ,—

Я знаю—этотъ день придетъ,

На жертву отданный народу,

Твой Сынъ Божественный умереть“...

Прервавъ молитву, Искупитель подошелъ къ ученикамъ. Они были объаты глубокимъ сномъ. Упрекая ихъ, Господь призывалъ къ бодрственной молитвѣ, да укрѣпятся и не внидутъ въ пасть.

Сказалъ и тихо удалился

Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,

И, новой скорбью возмущенъ,

На землю палъ Онъ и молился:

„Отецъ! Ты въ міръ Меня послалъ,
 Но Сына міръ Твой не приемлетъ;
 Ему любовь Я завѣщалъ,
 Моимъ глаголамъ онъ не внемлетъ...
 Народъ судомъ Мнѣ угрожаетъ
 И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!..
 Отецъ, Отецъ Мой! Чаша эта
 Да мимоидетъ отъ Меня!
 Ты—Богъ любви, начало свѣта,
 И все возможно для Тебя!
 Но если кровь нужна святая,
 Чтобъ землю съ небомъ примирить,—
 Твой вѣчный судъ благословляя,
 На крестъ готовъ Я восходить!..“

Второй разъ Спаситель подошелъ къ ученикамъ. Они опять спали.

Онъ снова разбудилъ ихъ, говоря:

„Вставайте,—часъ пришелъ:
 Ужъ недалеко царство славы,
 Близка великая борьба.
 Молитесь: скоро въ день кровавый
 Земли окончится судьба“.
 Сказалъ и снова удалился
 Подъ тѣнь смоковницъ и оливокъ
 И тамъ, колѣна преклонивъ,
 Опять Онъ плакалъ и молился:
 „Отецъ, Отецъ! Мнѣ тяжело,
 Мой умъ колеблется, темнѣетъ:
 Все человѣческое зло
 На Мнѣ единомъ тяготѣетъ;
 Позоръ людской,—позоръ вѣковъ,—
 Все на Себя Я принимаю,
 Но Самъ подъ тяжестью оковъ,
 Какъ человѣкъ, изнемогаю...“

Отецъ!

Дай Мнѣ на подвигъ укрѣпленье!
 И Сынъ Твой съ радостью умретъ
 Великой жертвой примиренья!“
 И руки къ небу Онъ поднялъ,
 И весь въ молитву превратился...
 Огонь лицо Его сжигалъ,
 Кровавый потъ съ Него струился“...

Ангель Господень явился съ неба и укрѣплялъ Его на предстоящія страданія... Подкрѣпленный свыше, Онъ въ третій разъ

подошелъ къ спавшимъ ученикамъ. Какимъ Божественнымъ величїемъ сіяло Его лицо!..

Въ это чудное мгновенье
 Какъ былъ Онъ истинно великъ,
 Какимъ огнемъ одушевленья
 Горѣлъ Его прекрасный ликъ!
 Какъ ярко отражали очи
 Всю волю твердую Его,
 Какъ любовались на Него
 Свѣтила блѣдной полуночи!
 И вотъ Учитель имъ сказалъ:
 „Вставайте, близокъ день печали,
 И часъ предательства насталъ!“
 И звукъ мечей остроконечныхъ
 Садъ Геосиманскій пробудилъ
 И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
 Лицо Іуды освѣтилъ... ¹⁾.

Что дальше? Коварное лобзаніе. Взятіе Іисуса Хріста воинами.
 Позорный судъ...

„Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
 Когда межъ нами во плоти,
 Неся мучительное бремя,
 Онъ шелъ на жизненномъ пути!
 Зачѣмъ я не могу нести,
 О, мой Господь, Твои оковы,
 Твоимъ страданіемъ страдать,
 И крестъ на плечи Твой пріять,
 И на главу вѣнецъ терновый!
 О, если-бъ могъ я лобызать
 Лишь край святой Твоей одежды,
 Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ!
 О, мой Господь, моя надежда,
 Моя и сила и покровъ!
 Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
 И думы дня, и ночи бдѣнья,
 И сердца каждое биенье,
 И душу всю мою отдать!..“ ²⁾.

¹⁾ „Моленіе о чашѣ“. И. Никитина

²⁾ А. Толстой „Спаситель“.

Подъ благодатнымъ впечатлѣніемъ.

Одинъ человѣкъ, погруженный въ глубокія думы и имѣя на сердцѣ какую то скорбь житейскую, зашелъ во св. храмъ помолиться. Въ это время совершалась литургія Преждеосвященныхъ Даровъ. Въ храмъ было не много молящихся, но всѣ были настроены благоговѣнно. Не долго постоялъ онъ, какъ изъ алтаря храма послышалось умиленное и стройное пѣніе „да исправится молитва моя“. Слова чудной пѣсни тихими волнами понеслись по всѣмъ направленіямъ храма, переливались и замирали въ отдаленныхъ уголкахъ и высокихъ сводахъ храма. Тронули эти слова скорбящую душу пришедшаго и произвели на нее благодатное дѣйствіе. Онъ почувствовалъ всю суету жизни, множество своихъ грѣховныхъ помышлений и дѣлъ, духовнымъ взорамъ его вдругъ предстала вся прошедшая его жизнь со всѣми ея волненіями и скорбями и онъ началъ изливать сердце свое предъ благодію Божіею, прося себѣ милости и прошенія. Довольно продолжительно дѣйствовало въ немъ благодатное умиленіе и за время службы онъ всѣ свои скорби и немощи успѣлъ излить предъ милосердымъ Владыкою жизни. Когда окончилась святая служба, выходя изъ храма, онъ почувствовалъ въ себѣ какую то легкость душевную, какой то притокъ свѣжихъ силъ и тихую радость на сердцѣ. Тѣ скорби, которыя такъ тяготили его предъ этимъ, точно снялъ съ него кто то рукою. Примирилось сердце его послѣ этого со всею окружающею житейскою обстановкою, онъ почувствовалъ себя счастливымъ и довольнымъ и благодарилъ Бога.

Возвращаясь домой изъ св. храма, дивился онъ всему случившемуся съ нимъ и думалъ въ себѣ: какъ близка благодать Божія ко всѣмъ, ищущимъ ея помощи!

Въ душѣ же его еще долгое время раздавались чудныя слова слышанной пѣсни и сообщали сердцу тайное наслажденіе.

Н. К.

Крѣпость и сила души—Христось.

Сколько бываетъ въ жизни разныхъ нестроений, случайностей и превратностей!

Сколько надо имѣть въ душѣ крѣпости и силы чтобы не поддаться грѣховному обольщенію, не разслабѣть нравственно, не впасть въ самообольщеніе и самомнѣніе.

Но гдѣ же эта сила и крѣпость нравственная? Душа немощствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ: и скоро ко гнѣву и ярости, и

удобоподвижна на похотѣнія страстныя, и самолюбива и само-мнительна.

Крѣпость и сила души—Христось!

Пріемлемый душею во Святыхъ Тайнахъ, Онъ подаетъ ей силу, лѣчитъ отъ немощи, врачуетъ отъ недуговъ, заживляетъ язвы и очищаетъ отъ грѣховныхъ струповъ.

Душѣ нужно только слезно припадать къ своему Владыкѣ, прося Его о помилованіи.

Но при смиреніи, сокрушеніи и надеждѣ на Бога необходима еще и осторожность и внимательность душевная къ возникающимъ въ душѣ движеніямъ.

Это нужно потому, что душа наша многообразна и много-сложна. Въ ней есть разныя силы и разныя у нихъ движенія. Есть умъ, есть способность чувствованій (сердце), есть воля или способность желаній.

Всѣ эти силы разбиты грѣхомъ, вышли изъ повиновенія чело-вѣку и часто дѣйствуютъ по своему грѣховному влеченію.

Нужно узнать ихъ назначеніе и способы ихъ употребленія.

Но кто можетъ похвалиться самъ по себѣ, что въ добрую сторону направляетъ онъ свои душевныя силы и способности, если Господь не будетъ помогать ему и руководить имъ?..

Но и при Божиємъ содѣйствіи, сколько чело-вѣкъ долженъ побѣдить искушеній и соблазновъ!

То впадаетъ онъ въ жестокость, то въ самомнѣніе, то въ ревность не по разуму, то въ расслабленіе!

То онъ сокрушается о грѣхахъ, то опять дѣлается черезъ чуръ строгимъ. Смирившись, вскорѣ подпадаетъ духу унынія...

Н. К.

Чудный даръ Христовой любви.

(Изъ замѣтокъ мірянина).

Хотя и міряне мы, но также чувствуемъ въ сердцѣ своемъ потребность частаго общенія со Спасителемъ нашимъ.

А общеніе это происходитъ чрезъ причащеніе Св. Христовыхъ Таинъ. *Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ.*

Велико и благодатно это общеніе! Чрезъ приобщеніе св. Таинъ немощному естеству чело-вѣческому сообщается полнота любви Христовой.

И что самъ по себѣ представляетъ чело-вѣкъ безъ благодати Христовой? Какъ бы неодушевленную тварь!

Въ его сердцѣ нѣтъ чуднаго дара, оживотворяющаго, обла-

гораживающаго и влекущаго ко спасенію. Безъ этого дара какъ ни блисталь человѣкъ разумомъ и многоразличными знаніями, онъ подобенъ горькой водѣ Мерры. Чистоту, сладость и успокоеніе наслѣдовать можетъ только тотъ, кто въ сердцѣ своемъ все это пріялъ отъ Бога.

Міръ такъ много отдаеть разуму человѣка, но что самъ по себѣ разумъ для жизни христіанской?

Его надо смирить при самомъ входѣ во дворъ Господень.

И какое непонятное самообольщеніе обладаетъ всѣми нами грѣшными!

Мы ищемъ въ жизни покоя и утѣшенія, но благодати Господней не ищемъ! Между тѣмъ она одна только и можетъ сообщить сердцу истинное утѣшеніе и покой.

Господь все направляетъ къ тому, чтобы люди искали благодати Его и были утѣшены ею.

Все со временемъ измѣняется, все ветшаетъ, всему бываетъ конецъ. Молодость и крѣпость смѣняются старостью и немощь; могущество и славу—жалкое убожество; сладости жизни смѣняются скорбями и болѣзнями. Но кто въ сердцѣ своемъ сокровиществуеть благодать Господню, то его внутреннее состояніе не только не премѣняется и не ветшаетъ, напротивъ просвѣтляется и совершенствуется.

Исусъ Христосъ вчера и днесъ Той же и во вѣки!..

Н. К.

НАРОДНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА.

Вѣнокъ на могилу матери отъ недостойнаго сына.

Съ особеннымъ чувствомъ высокаго нравственнаго удовлетворенія прочиталь я этотъ небольшой очеркъ жизни и дѣятельности скромной труженицы. Читатели сами почувствуютъ, что это—не простой некрологъ, а голосъ сыновней любви, любви вполнѣ заслуженной. Обращаю на сіи строки вниманіе особенно нашихъ сельскихъ матушекъ: пусть не разъ прочитають они сей очеркъ и поставять передъ своею совѣстью вопросъ: много ли среди нихъ таковыхъ? И почему бы, по мѣрѣ силъ и возможности, не дѣлать того же, на что всю жизнь свою посвятила почившая? Видно сердцемъ своимъ эта счастливица знала цѣну добра, творимаго во имя заповѣди Божіей, и, ощущая близость Божіей благодати, всегда близкой къ душамъ смиреннымъ, всегда имъ незримо, но ощутительно помогающей, только и думала о томъ, чтобы побольше сдѣлать сего добра. Но кто же препятствуеть и намъ дѣлать, по мѣрѣ нашихъ силъ, то добро, какое намъ Богъ въ жизни нашей указываетъ? О, если бы по-

больше нашлось и сельскихъ, и городскихъ матушекъ, подражающихъ почившей труженицѣ! Не то бы было у насъ теперь и въ городахъ, и въ селахъ: сіи „мироносицы“ своимъ примѣромъ ободряли бы и своихъ мужей, нерѣдко падающихъ подъ бременемъ одиночества духовнаго. Жатва многа, а жателей мало: выходите, Христовы жницы, на ниву Христову въ помощь своимъ мужьямъ!

Епископъ Никонъ.

Учительница К. В. Коноплева.

Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Проче убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды его же воздастъ ми Господь въ день онъ, Праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его. (2 Тим. IV, 7—8).

Вотъ какія слова св. Апостола невольно приходятъ на память при видѣ свѣжей могилы, въ которой покоятся бранные останки

незабвенной народной учительницы Клавдіи Васильевны Коноплево́й, болѣе тридцати лѣтъ подвизавшейся на Божіей нивѣ,— на нивѣ хрістіанскаго просвѣщенія чистыхъ дѣтскихъ умовъ и сердець изъ среды простаго народа.

Подвижническая жизнь этой воистину рабы Божіей весьма назидательна, особенно для тѣхъ, которымъ посвятила она свои труды и заботы.

Почившая вышла, можно сказать, изъ среды простаго народа. Дочь сельскаго діакона одного изъ захолустныхъ „медвѣжьихъ угловъ“ нашего края, она провела свое дѣтство среди близкаго роднаго ей крестьянства.

Жизнь ея родителей мало чѣмъ отличалась отъ крестьянскаго быта. Они также должны были воздѣлывать мать сыру-землю и отъ своихъ трудовъ снискивать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Съ юности привязалась она къ русской деревнѣ, полюбила ее всей душой, узнала ея нужды и печали...

Съ ранней весны жизни и самую почившую посѣтилъ Господь тяжкимъ испытаніемъ, чѣмъ еще болѣе расположилъ сердце ея къ людямъ несчастнымъ и обездоленнымъ. Она осталась сиротой послѣ отца, котораго едва и помнила...

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ... Старшій братъ почившей бывшій уже священникомъ, взялъ на себя попеченіе отца о бѣдной сироткѣ и оказалъ ей безцѣнное благодѣяніе. Онъ научилъ ее грамотѣ и отвезъ въ Ярославль, гдѣ и нынѣ на высококомъ берегу Волги красуется училище для дѣвицъ духовнаго званія, основанное для трехъ сѣверныхъ губерній: Ярославской, Костромской и Вологодской, состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Это былъ большой подвигъ со стороны брата. Помимо матеріальныхъ затратъ, онъ требовалъ не малыхъ трудовъ и времени. Приходилось ѣхать „гужемъ“. „Чугунки“ тогда еще не было. Почившая до гробовой доски съ глубокимъ чувствомъ вспоминала оказанныя ей братскія услуги и чтала въ лицѣ брата своего великаго благодѣтеля.

Ярославское училище!.. Кто изъ вологжанъ, имѣвшій къ тебѣ хотя какое бы то ни было отношеніе, не чтитъ тебя своимъ сердцемъ? Велики твои заслуги для русскаго сѣвера. Ты воспя- тало цѣлую плеяду скромныхъ труженицъ, разошедшихся по тремъ губерніямъ и ставшихъ добрыми воспитательницами дѣтей народа въ духѣ хрістіанской вѣры и благочестія.

Пишущему эти строки приходилось часто проѣздомъ бывать въ Ярославль. При видѣ высокаго зданія на правомъ волжскомъ берегу каждый разъ сердце его наполнялось глубокимъ благодарнымъ чувствомъ къ скромному разсаднику духовнаго просвѣщенія среди глухой русской деревни. Кому замѣтны его

заслуги? Кто оцѣнилъ ихъ? Скромно, безъ шума совершаетъ оно свое святое дѣло, исполняетъ великое призваніе. Не даромъ же и до сихъ поръ оно почитается вологжанами. Не даромъ наши батюшки и теперъ еще любятъ отправлять своихъ дочерей въ отдаленный Ярославль, въ старое училище, въ которомъ давно уже установился добрый духъ хрiстіанскаго воспитанія, сложились свои добрыя преданія и прекрасные обычаи.

Пользуюсь случаемъ, чтобы еще разъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почитаніе доброму разсаднику духовнаго просвѣщенія.

Прими, дорогое училище, отъ меня низкій поклонъ *до сырой земли*: ты близко и дорого моему сердцу,—*ты воспитало мою дорогую незабвенную мать!* Я съ дѣтства привыкъ благоговѣть предъ тобой, привыкъ почитать тебя, какъ и свою духовную просвѣтительницу, какъ и свою дорогую воспитательницу... Вотъ мой сердечный привѣтъ тебѣ, вотъ изліяніе искреннихъ чувствъ моихъ!..

Да будетъ благословенна память основателей этого добраго питомника въ лучшемъ смыслѣ слова! Глубоко вѣрна и жизненна была мысль ихъ, особенно въ тѣ далекія времена, что лучше всего дѣло хрiстіанскаго воспитанія дѣтей народа можетъ быть совершаемо чрезъ ближайшихъ помощницъ нашихъ сельскихъ бабушекъ, чрезъ спутницъ ихъ жизни. Многократный опытъ показалъ, что святая цѣль ихъ основанія вполнѣ оправдалась, что часто сельскія матушки являлись истинными руководительницами въ дѣлѣ просвѣщенія дѣтей крестьянскихъ въ духѣ хрiстіанской вѣры и благочестія, о чемъ краснорѣчиво будутъ свидѣтельствовать мои послѣдующія строки.

Вслѣдъ за воспоминаніемъ объ Ярославскомъ училищѣ, мысль моя невольно переносится къ той, которая явилась первою достойнѣйшей его представительницей и первою его Начальницей. Это была незабвенная Елизавета Павловна Шипова, память о которой не умретъ въ сердцахъ ея питомицъ. Она хорошо знала бытъ народа, его насущныя нужды и потребности. Что особенно важно—сама она *была доброю хрiстіанкой*. Не смотря на свое дворянское происхожденіе и богатую помѣщичью жизнь, переселилась она, какъ нѣкая инокиня, въ скромную училищную келлію, гдѣ и продолжала нести свое святое послушаніе до глубокой старости, до гробовой доски, радуясь радостями своихъ питомицъ и скорбя ихъ печалями...

(Продолженіе слѣдуетъ).